

Замѣтки провинціального охотника.

I. Охотничьи общества и аренда угодій.

Въ Майской книгѣ журнала „Природа и Охота“ 1887 года С. В. Безобразовымъ помѣщена замѣтка „О результатахъ охотничьяго хозяйства Ижоро-Рыбацкаго общества охоты“, въ которой выражено желаніе видѣть въ печати результаты охоты и дѣятельности другихъ обществъ, за нѣсколько лѣтъ ихъ хозяйства, въ доказательство того, что „охотничьи общества *въ дѣйствительности* преслѣдуютъ ту цѣль, которую указываютъ ихъ уставы—веденіе правильной охоты—и вовсе не стремятся къ беспощадному истребленію всего бѣгающаго и летающаго по арендованнымъ ими землямъ“.

Желаніе это заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія уже потому, что опубликованіемъ результатовъ дѣятельности охотничьихъ обществъ выяснится ихъ значеніе для общаго дѣла охоты, и если окажется, что дѣятельность эта будетъ признана разумной, какъ направленная не къ одной только цѣли „истребленія и избиенія“, но и къ упорядоченію охотничьяго дѣла вообще, то несомнѣнно, что существующія общества усилятъ свою дѣятельность въ этомъ послѣднемъ направленіи,—появятся тамъ,—гдѣ ихъ не было до сего времени (какъ напр. въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Кіевъ и друг. гор.), и дружными усиліями будутъ способствовать къ постановкѣ общаго охотничьяго дѣла на болѣе правильныхъ и разумныхъ основаніяхъ, нежели тѣ, на которыхъ до сего времени ведется это дѣло отдѣльными лицами, неофициальными кружками и компаніями.

Удовлетворяя вполне резонному желанію г. Безобразова, сообщеніемъ (въ слѣдующей замѣткѣ) редакціи журнала „Природа и Охота“ свѣдѣній о дѣятельности Казанскаго Общества Охоты, членомъ коего имѣю честь состоять болѣе 10 лѣтъ, я пользуюсь настоящимъ слу-

чаемъ для того, чтобы поговорить о тѣхъ вопросахъ, которые затронуты замѣткой г. Безобразова: о значеніи охотничьихъ обществъ, пользѣ или вредѣ ихъ существованія, вопросахъ, не бывшихъ до сего времени предметомъ обсужденія, а между тѣмъ, при настоящемъ положеніи охотничьяго дѣла въ Россіи, имѣющихъ дѣйствительное и, какъ мнѣ кажется, важное значеніе.

Каково „настоящее“ положеніе охотничьяго дѣла въ Россіи—извѣстно каждому охотнику, вызывая не только „скорбь души“, но зачастую и глубокую злобу....

При полномъ отсутствіи какихъ либо *общихъ законовъ* объ охотѣ (существующія 10—20 статей XII тома нельзя-же называть законами объ охотѣ), которыхъ нѣтъ теперь, да мы, провинціальныя охотники, давно потеряли вѣру въ то, что будутъ таковыя и въ будущемъ: то, что „засѣдаетъ“ коммиссія для пересмотра законовъ объ охотѣ, мы уже слышимъ десять лѣтъ и надежды на скорое окончаніе этого „засѣданія“ не имѣемъ,—трудны-же, должно быть, „для пересмотра“ эти нѣсколько десятковъ существующихъ статей XII т.!

Отсутствіе опредѣленныхъ, общихъ правилъ для охоты *въ казенныхъ мѣстахъ*, какъ единственно оставшихся мѣстахъ, имѣющихъ еще дичь, и отсутствіе таковыхъ-же правилъ между *самими охотниками*, охотящимися въ одиночку, какъ „Богъ на душу положить“, даетъ основаніе утверждать, что въ нашемъ отечествѣ производится не охота, а поголовное истребленіе дичи: собираніе птичьихъ яицъ (процвѣтаетъ въ особенности въ Астраханскихъ охотничьихъ угодьяхъ), ловля собакой, петлями, пружками, перевѣсами, капканами, сѣтями, стрѣльба матокъ, подманка и поголовное истребленіе шатрами, словомъ все, чѣмъ должно бы было возмущаться сердце истиннаго охотника, все это практикуется на дѣлѣ и притомъ не одними „Ермошками и Тимошками“, а даже и людьми интеллигентными. Продѣлывается это не только надъ дичью пролетною, не нашею, но главнымъ образомъ на *мѣстной — нашей птицѣ*: пошелъ на глухариный токъ, не съумѣлъ подойти къ глухарю, спугнулъ; подвернулась глупая глухарка, благо подпускаетъ весной близко, давай ее сюда; поднялась съ гнѣзда тетерка—луи и ее; выводокъ рябчиковъ—маль, ну давай хоть матку; тетеревята и куропатки къ 29 Іюня, дню, разрѣшенному для стрѣльбы закономъ (самъ законъ въ этомъ случаѣ покровительствуетъ хищническому истребленію дичи,—какая охота на молодыхъ тетеревятъ и куропатокъ въ это время?!), совѣмъ малы, не больше перепела,—все равно, клади и ихъ въ ягдташъ,—старая убита, а молодыхъ передушить собака; весной, на Волжскихъ островахъ, или, какъ ихъ называютъ у насъ, „гривахъ“, кругомъ залитыхъ водою, сидятъ 30—40 зайцевъ, негодныхъ и по шкурѣ и по мясу,—дави и ихъ, чего смотрѣть, „по осени столько не убьешь!“ Ловится, бьется и въ конецъ истребляется все живое, такъ что близко то время (да кажется уже

и наступило для нѣкоторыхъ мѣстъ нашего отечества), когда глухарь, тетеревъ, рябчикъ, куропатка и другая наша дичь отойдетъ въ область „старинны глубокой“, будетъ существовать въ воспоминаніяхъ только, и отъ такого прекраснаго удовольствія, какъ охота, не останется ровно ничего.

А какъ можно было-бы поставить это дѣло,—развѣ Россія съ ея необозримыми охотничьими угодьями и колоссальными лѣсами не можетъ устроиться, не скажу чтобъ хорошо, а хотя-бы сносно съ этимъ дѣломъ, не давая свободно и безънаказанно раззорять и разбойничать въ ея лугахъ, лѣсахъ и степи?!... Когда-же наконецъ положенъ будетъ предѣлъ этому, открыто совершающемуся теперь, грабежу ея охотничьихъ угодій? Когда-же приняты будутъ мѣры къ упорядоченію этого дѣла? Если не скоро, то будетъ поздно, и существующая поговорка: „лучше поздно, чѣмъ никогда“—едва-ли здѣсь умѣстна.

Позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и посвятить нѣскольکو словъ *ожиданію законовъ объ охотѣ*. Много говорено было на страницахъ любимаго нашего журнала „Природа и Охота“ по поводу законовъ объ охотѣ, да и нельзя было не говорить объ этомъ,—это наша „злоба дня“, наше большое мѣсто; желать скорѣйшаго введенія законовъ вполнѣ естественно, но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы *одно только изданіе* этихъ законовъ помогло дѣлу,—что стоитъ только написать и объявить новый законъ и охотничье дѣло будетъ упорядочено. Если-бы это дѣйствительно было такъ, то вопросъ рѣшался-бы очень просто: написать законъ нетрудно, а объявить и того легче. Но не отъ того только гибнетъ наше охотничье дѣло, что намъ „не даютъ“ новыхъ законовъ объ охотѣ, а еще и потому, что *сами-то мы*, охотники, *не принимаемъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ упорядоченію любимаго нашего дѣла*, какъ будто-бы никакихъ мѣръ и принять не можемъ, а порѣшивъ, что вся бѣда въ отсутствіи законовъ, почилы отъ дѣла и ждемъ новыхъ (совершенно неизвѣстныхъ, а можетъ быть и вполнѣ неудовлетворительныхъ) законовъ и только жалуемся на отсутствіе этихъ законовъ.

Но если и впредѣ мы ограничимся *только жалобами* и ропотомъ и сами ничего не будемъ дѣлать для упорядоченія нашего дѣла, то вполнѣ будемъ походить на Некрасовскаго Вавилу, который

„Вздумалъ однажды на Бога роптать,
Съ тѣхъ поръ захудавъ, разорился Вавила:
Нѣтъ меду со пчель, урожаю съ земли,
И только въ одномъ ему счастье было,
Что волосы изъ носу шибко росли“....

Такого-же „счастія“ пожалуй и мы дождемся, если сами будемъ сидѣть сложа руки и видѣть причину всѣхъ нашихъ бѣдъ только въ отсутствіи новаго закона... Да и чего можемъ мы ждать отъ этого

новаго закона? На чемъ покоится наша увѣренность, что законъ этотъ будетъ не мертвою только буквой, произведеніемъ департамента, а закономъ—вполнѣ жизненнымъ? Мы даже не знаемъ, каковъ будетъ этотъ законъ и именъ тѣхъ лицъ, которыя трудятся надъ его составленіемъ. Допуская, что лица, которымъ ввѣрено составленіе закона, находятся „въ курсѣ“ охотничьяго дѣла, мы все-таки знаемъ только одно, что проектъ этотъ пишется въ тиши канцелярій, т. е. знаемъ только то, что о новомъ законѣ мы ничего не знаемъ; поэтому-то нѣтъ основаній видѣть наше спасеніе только въ изданіи этого закона, равно нѣтъ основаній и къ тому, чтобы утверждать, что и несчастіе наше заключается только въ отсутствіи закона.

Другое дѣло, если проектъ закона, прежде утвержденія будетъ опубликованъ для обсужденія его въ печати и съ этой-же цѣлью разосланъ въ официально существующія охотничьи общества, какъ это было съ проектомъ Уголовнаго Уложенія, разсылавшагося для обсужденія судебнымъ учрежденіямъ и юридическимъ обществамъ,—не видѣли-же въ этомъ „умаленія власти“, напротивъ — находили полезнымъ,—нѣтъ основанія не слѣдовать этому порядку и въ дѣлѣ изданія охотничьихъ законовъ, нѣтъ нужды дѣлать изъ составленія ихъ тайну и лишать ихъ свѣта. Широкое обсужденіе проекта, кромѣ пользы,—не принесетъ ничего иного: разнообразны условія охоты *по времени и мѣсту* въ обширныхъ краяхъ нашего отечества и что умѣстно въ Петербургѣ, то совѣмъ не будетъ годно для Астрахани и Кавказа; вотъ почему выработка охотничьихъ законовъ *только Петербургомъ*, безъ надлежащей справки отъ мѣстныхъ охотничьихъ обществъ объ условіяхъ и времени охоты, едва-ли будетъ удовлетворительна, почему мы и думаемъ, что предварительныя замѣчанія на проектъ законовъ не только неумѣстны, но необходимы, способствуя созданію *живого закона*, основаннаго на показаніяхъ экспертовъ этого дѣла. Будьте покойны, охотники не попросятъ *снисходительныхъ* законовъ и такихъ, которые можно было-бы толковать и „такъ и этакъ“, скорѣе будутъ требовать законовъ черезчуръ уже строгихъ, и печатавшіеся въ журналѣ „Природа и Охота“ проекты служатъ достаточною этому порукой....

Но пока насъ еще къ обсужденію „не приглашали“,—да, можетъ быть, и не пригласятъ, и всѣ наши сужденія о предполагаемыхъ законахъ (да и мало создать удовлетворительный законъ,—нужно еще *обезпечить его исполненіе*, и это самое главное; однѣми карательными мѣрами этого не достигнуть,—нужна организація надзора и проч....) вполнѣ безплодны, какъ совершенно справедливо замѣтилъ С. В. Безобразовъ (1 № журн. „Природа и Охота“ 1887 г.). Каковы будутъ эти законы, какъ и кому поручено будетъ наблюденіе за ихъ исполненіемъ (полиціи-ли, какъ прежде, или людямъ, непосредственно заинтересованнымъ въ охотничьемъ дѣлѣ)—мы не знаемъ и однимъ сѣтованіемъ

на то, что „долго не дають законовъ“, — дѣлу не поможемъ. Нужно стряхнуть нашу лѣнь и, кромѣ надежды на законы, ради спасенія любимаго дѣла, самимъ озаботиться, мѣрами исполнѣ отъ насъ зависящими, къ упорядоченію охотничьяго дѣла, памятуя, что однѣми надеждами не проживешь и что „надежды только юношей питають“.

Къ числу мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію охотничьяго дѣла, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи охотниковъ, могутъ быть отнесены: 1) *открытіе охотничьихъ обществъ* и 2) *аренда охотничьихъ угодій*.

Открытіе обществъ сплотитъ во-едино разрозненныхъ охотниковъ, устранить охоту въ одиночку—въ смыслѣ охоты по своему, *личному* уставу, установить опредѣленные, —общія правила охоты, а объ этихъ-то общихъ правилахъ мы только и заботимся, —и положить основаніе веденію „правильной“ охоты.

Къ открытію такихъ обществъ не представляется препятствій, какъ относительно составленія устава, такъ и его утвержденія. Написать уставъ недолго и нетрудно, въ особенности, если охотники, желающіе открыть общество, отбросивъ самолюбіе, обратятся къ уставамъ официально существующихъ уже обществъ, помня, что надъ составленіемъ ихъ трудились люди, любящіе это дѣло, опытъ и заботы коихъ отнюдь игнорировать не слѣдуетъ, —и составятъ уставъ, хотябы путемъ выбора изъ этихъ существующихъ — тѣхъ §§, которые подходятъ къ условіямъ охоты данной мѣстности, оставивъ за собою право, въ случаѣ надобности, просить о дополненіи и измѣненіи устава.

Къ утвержденію устава препятствій также быть не можетъ: составленный уставъ представляется чрезъ начальника губерніи г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который его и утверждаетъ.

Само собою понятно, что учредители общества введутъ въ уставъ все тѣ правила, которыя они желали-бы видѣть въ новыхъ законахъ объ охотѣ, чѣмъ и установятъ *сами*, для извѣстной мѣстности, *тѣ охотничьи законы, введеніе которыхъ такъ желательно*.

За исполненіе устава можно поручиться, такъ какъ прегрѣшать противъ охотничьей нравственности члену общества — неудобно, да и невозможно. Если при охотѣ въ одиночку можно скрыть убійство глухарки на току, то нельзя этого сдѣлать, состоя членомъ общества, охотясь на арендованныхъ имъ земляхъ: страшна огласка, да и народу очень много, а на народѣ и „воръ краснѣетъ“, —здѣсь не позволить этого сдѣлать не угроза 25 рублевымъ штрафомъ по 57 ст. Миров. Устава (угроза исполнѣ беззубая для состоятельнаго человѣка), а нѣчто большее, что не оплачивается деньгами: стыдъ, охотничья воспитанность и совѣсть.

Разныя ограниченія, устанавливаемые уставомъ общества съ цѣлью веденія правильной охоты, можетъ быть и покажутся сперва „новше-

ствами“ и притомъ нежелательными, но пройдутъ года и охотники, недовольный когда-то запрещеніемъ стрѣльбы тетеревиныхъ самокъ, чрезъ 2—3 года, самъ будетъ удивляться, какъ это могутъ другіе охотники-солисты стрѣлять ихъ и весной и лѣтомъ, — новшество войдетъ „въ кровь и плоть“.

По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай изъ жизни Казанскаго Общества охоты: много лѣтъ тому назадъ, на годичномъ собраніи членовъ Общества, предложено было въ арендованныхъ Обществомъ лѣсныхъ дачахъ начинать охоту на молодыхъ тетеревовъ не съ 29 Іюня, какъ это разрѣшаетъ законъ для Казанской губерніи, а съ 15 Іюля—„такъ какъ“, читаемъ въ отчетѣ о дѣйствіяхъ общества за 1880 годъ, „въ Казанской губерніи, независимо отъ ранней весны и гнѣздованія тетеревиныхъ матокъ, а вообще по климатическому ея положенію, тетеревиные выводки къ 15 Іюля только что поспѣваютъ для стрѣльбы, начиная изрѣдка „мѣшаться“; до этого-же времени такъ малы, что охота на нихъ, не доставляя охотнику удовольствія, можетъ быть приравнена къ безцѣльному истребленію дичи, гдѣ работаетъ главнымъ образомъ собака, ловя тетеревовъ, неподнимающихся въ росное и мокрое утро“ и т. д.

Какую бурю вызвало это предложеніе,—такъ и посыпались возраженія!

„Да позвольте,—законъ разрѣшаетъ эту охоту въ нашей губерніи съ 29 Іюня и нечего намъ толковать объ этомъ и идти впереди закона“.

„За что-же мы платимъ аренду за дачи, если въ нихъ нельзя будетъ охотиться во время?!“

„И безъ того-то коротко наше Казанское лѣто, а тутъ еще мы сами ограничиваемъ его на двѣ недѣли,—да и охотясь за тетеревами съ 15 Іюля, пожалуй, меньше убьешь изъ выводка, чѣмъ въ началѣ Іюля“ и т. д.

Незначительнымъ большинствомъ голосовъ, предложенный срокъ, 15 Іюля, былъ принятъ, чѣмъ, очевидно, многіе члены остались недовольны. Прошло 5 лѣтъ и въ отчетѣ о дѣятельности Общества за 1885 г., по поводу предложенія распорядителя о назначеніи срока той-же охоты въ 86 г., въ виду ранней весны—10 Іюля, а не 15, какъ было въ 85 г., находимъ слѣдующее: „Общее собраніе единогласно постановило начинать охоту за молодыми тетеревами съ 15 Іюля“, причемъ недовольное въ 80 г. меньшинство заявило, что „нѣтъ основаній измѣнять ранѣе опредѣленный срокъ, а желательно установить 15 Іюля началомъ охоты за молодыми тетеревами *на-всегда*“....

Такія-же возраженія были сдѣланы и по поводу устройства ежегодно чередующихся заповѣдныхъ мѣстъ въ арендованной Обществомъ Сухорѣцкой удѣльной лѣсной дачѣ (болѣе 10.000 десят. лѣса, $\frac{1}{4}$ часть

дачи заказана отъ охоты въ этомъ году, другая $\frac{1}{4}$ въ слѣдующемъ и т. д.). Возраженія эти были, но пройдетъ 2 — 3 года, полезность временныхъ питомниковъ или заповѣдныхъ мѣстъ будетъ признана, возраженій, конечно, не послѣдуетъ и къ этому привыкнутъ.

Такимъ путемъ, хотя бытъ можетъ и медленнымъ, выработается опредѣленный, общій порядокъ, установится единство дѣйствій, столь желательное въ охотничьемъ дѣлѣ, привыкнутся взгляды, ранѣе назавшіеся странными, и явится несомнѣнное желаніе — вести охотничье дѣло на чистоту, прилично, не красѣя за свои охотничьи успѣхи, совершая ихъ не „какъ тать въ ночи“, а на глазахъ у всѣхъ, не скрывая не только своихъ успѣховъ, но ошибокъ и заблужденій, и исправляя ихъ.

Само собой понятно, что при образованіи общества *не слѣдуетъ облагать вступленіе въ его члены несоразмѣрно высокою платой*, съ цѣлью имѣть составъ „почище“, такъ какъ состоятельность не всегда служить еще доказательствомъ „чистоты“ вообще, а въ дѣлѣ охоты — въ особенности, — нѣтъ надобности дѣлать изъ общества привилегированный и тѣсно замкнутый кружокъ, а наоборотъ, нужно дать широкій доступъ всѣмъ товарищамъ по страсти, — кромѣ промышленника конечно, — нѣтъ зависимости отъ ранга и богатства. Словомъ, необходимо сдѣлать вступленіе въ общество доступнымъ лицамъ и съ ограниченными средствами, а самую дѣятельность общества, какъ-бы она ни была первое время безцвѣтна, — открытой, не сохраняя въ глубокой тайнѣ того, что дѣлается въ обществѣ (гдѣ же не бываетъ неудачъ и ошибокъ), — благо страницы журн. „Природа и Охота“ всегда радушно открыты для помѣщенія отчетовъ и др. свѣдѣній о дѣйствіяхъ охотничьихъ обществъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя по малочисленности охотниковъ открыть самостоятельное общество, есть полная возможность къ открытію отдѣленія Императорскаго Московскаго Общества, для существованія коего требуется, какъ мнѣ помнится (Уставъ для отдѣленій напечатанъ въ одной изъ книгъ журн. „Прир. и Охота“ за 85, кажется, годъ), всего 10 членовъ.

Одна изъ выгодъ открытія охотничьихъ обществъ, заключающаяся въ томъ, что *не подѣ силу одному, то доступно цѣлому обществу*, даетъ основаніе къ установленію второй (изъ указанныхъ мной выше) мѣры, находящейся также въ распоряженіи самихъ охотниковъ, къ упорядоченію охотничьяго дѣла — *арендою охотничьихъ угодій*.

Если нѣтъ общаго закона объ охотѣ, то охотники сами могутъ установить такіе законы, вводя въ свои уставы особые правила для охоты на арендованныхъ ими угодьяхъ; здѣсь они въ правѣ это сдѣлать, не выжидая изданія новаго закона.

Арендуя для охоты большія лѣсныя дачи — казенныя, удѣльныя или частнаго владѣнія (хотя не приведи Богъ арендовать казенныя земли: замучать не цѣной, а формальностями, крючками и бумажнымъ

дѣломъ, въ доказательство чего, въ одной изъ слѣд. моихъ замѣтокъ, я сообщу читателямъ журнала „Исторію“ аренды Казан. Общ. Охоты удѣльной дачи, попытку арендовать для того-же Общества казенныя дачи и взгляды на этотъ предметъ департаментовъ, изъ чего нетрудно будетъ убѣдиться какъ тяжело имѣть дѣло съ казенными учрежденіями и лицами), необходимо арендовать ихъ на возможно *долгий срокъ*, отъ 6: до 12 лѣтъ, такъ какъ только при долгосрочной арендѣ возможно веденіе *правильнаго охотничьяго хозяйства*, а это-то хозяйство и должно составлять главную цѣль аренды.

Краткосрочная годовая аренда, вполнѣ равносильная побилетней охотѣ, въ широкихъ размѣрахъ допускаемой въ казенныхъ лѣсахъ, есть страшное зло, къ искорененію коего давно-бы слѣдовало принять мѣры. Побилетный охотникъ, равно какъ и годовой арендаторъ, всегда будутъ чужды заботамъ о сохраненіи дичи въ той дачѣ, на которую имъ выданъ годовой билетъ, а тѣмъ болѣе—о ея разведеніи. Нѣтъ смысла беречь и разводить, когда я знаю, что мое право на охоту ограничено только однимъ годомъ и что на будущій годъ не я, а кто-либо другой, предложившій 5 руб. дороже моего, будетъ хозяиномъ дачи. И слѣдовательно мои заботы о сохраненіи и разведеніи дичи будутъ заботами для *другого*, совершенно мнѣ *неизвестнаго лица*; поэтому-то годичный арендаторъ и побилетный охотникъ заботятся только объ одномъ: о возможно большемъ пользованіи своимъ правомъ, т. е. большемъ уничтоженіи дичи, зная, что въ будущемъ году не они будутъ хозяевами дачи, а ея и получатъ вновь годовой билетъ и если одинъ побилетный охотникъ будетъ заботиться о *сохраненіи дичи*, то другіе охотники, имѣющіе тѣ-же билеты, могутъ не раздѣлять его взгляда и уничтожать все подрядъ. Однимъ словомъ, побилетный охотникъ знаетъ, что онъ не хозяинъ дачи, что все, что имѣется въ дачѣ, не его, а чужое, а намъ известно *какая* разница существуетъ въ пользованіи *своимъ и чужимъ*.

Совсѣмъ иное дѣло при долгосрочной арендѣ, когда я знаю, что и на будущіе годы я хозяинъ дачи, что сохраняемое мною нынѣ, *мнѣ-же* воздастся сторицею въ будущемъ, что я-же, а не кто-либо иной, воспользуюсь плодами своихъ сбереженій. Тутъ есть смыслъ не только беречь и сохранять, но даже и разводить дичь, вынуждая ее за тысячи верстъ (какъ это сдѣлано нынѣ Казанскимъ Обществомъ Охоты, выписавшимъ изъ города Ялуторовска, Тобольской губерніи, бѣлыхъ куропатокъ *), охраняя въ особенности мѣстовую и осѣдлую путемъ ограниченія стрѣльбы и устройства перемѣняемыхъ заповѣдныхъ мѣстъ.

Отсутствіе общихъ охотничьихъ законовъ не стѣснить охотниковъ

*) Дошла благополучно до Казани 33 штуки, были выпущены въ арендованную Обществомъ на 12 лѣтъ лѣсную дачу, но сдѣланъ о разведеніи пока еще нѣтъ, можетъ быть опытъ разведенія и пропадетъ даръ-мъ.

установить тѣ или другія мѣры въ арендованныхъ ими дачахъ, съ цѣлью охраненія и сбереженія дичи и при томъ, въ интересахъ не отвлеченныхъ и общегосударственныхъ, а въ *своихъ собственныхъ* конеч. но; разница-же между этими интересами извѣстна.

Такой арендѣ нужно всѣми силами способствовать, а не противо-дѣйствовать, какъ дѣлаютъ это во многихъ казенныхъ учрежденіяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что „дешево даютъ“ (не въ деньгахъ тутъ дѣло) и что аренда „устанавливаетъ монополію“, забывая при этомъ, что отсутствіе аренды и побилетная охота даютъ тоже монополію, но монополію браконьерамъ и охотникамъ-истребителямъ.

Безъ такой аренды нѣтъ охраны и полный произволъ; для при-мѣра возьмемъ казенные лѣса.

Нужно-ли говорить, что главное истребленіе производится исклю-чительно въ казенныхъ лѣсахъ: на любомъ нашемъ базарѣ и въ птиц-ныхъ лавкахъ, до *Петрова дня*, чуть не тысячами лежатъ молодые рябчики величиною въ перепелку, старыя глухарки и проч., и все это болѣею частію убито въ казенныхъ лѣсахъ, такъ какъ лѣсовъ част-наго владѣнія вообще осталось мало, а въ Казанской губерніи въ осо-бенности. Развѣ это не истребленіе дичи? И объясняется это отнюдь не *небрежностью лѣсничихъ*, Боже упаси обвинять ихъ въ этомъ, а *тѣми средствами*, которыми они располагаютъ для охраны лѣсовъ отъ браконьеровъ и охоты въ *недозволенное время*, средство это—казен-ный лѣсникъ, имѣющій 25 квадратныхъ верстъ (и то и больше) въ своемъ обходѣ, заботящійся главнымъ образомъ о цѣлости лѣса, такъ какъ за каждую порубку онъ отвѣчаетъ штрафомъ; счастливъ лѣсникъ, если у него не срубили 5—10 деревьевъ за ночь, а раздавшійся въ 5—6 верстахъ отъ его караулки выстрѣлъ браконьера не привлечетъ его вниманія: охотникъ бревна съ собой не унесетъ, а изъ-за убитаго рябчика или глухарки, бѣжать на выстрѣлъ, въ лѣсъ, съ очевидной надеждой не поймать браконьера (не будетъ-же тотъ дожидаться при-хода лѣсника), при громадныхъ разстояніяхъ обхода, совершенно без-полезно. Если-же принять во вниманіе обходъ лѣса зимой по глубо-кому снѣгу, когда на обходъ участка употребляется почти весь день, то придется согласиться, что требовать отъ лѣсника, кромѣ охраны лѣса отъ порубокъ, еще охраны и отъ браконьеровъ, не представ-ляется никакихъ основаній. Поэтому-то, въ казенныхъ дачахъ, не по *небрежности надзора*, а за *невозможностію его*—и истребляется все въ чистую; думаю, что казанскіе лѣса не представляютъ исключенія и что также идетъ дѣло и въ другихъ лѣсныхъ губерніяхъ.

Иное дѣло, когда дача отдана въ аренду: арендаторъ самъ для себя заботится, чтобы у него не было браконьерства, какъ собствен-никъ заботится о томъ, чтобы у него не крали; онъ найдетъ и время и средства обставить дѣло лучше, чѣмъ охрана чрезъ казенныхъ лѣс-никовъ, и охрана будетъ лучше, да и дичи будетъ больше и хотя-бы

она сохранилась только въ 3—4 казенныхъ дачахъ, то и за это спасибо,—останутся все-таки мѣста, гдѣ не будетъ позорнаго дичейстребленія и гдѣ можно будетъ, ведя разумно охотничье хозяйство, поохотиться и пострѣлять.

Кромѣ указанной выше выгоды отъ арендованія угодій, аренда заставитъ охотниковъ-одиночекъ примкнуть къ обществу, такъ какъ при арендѣ Обществомъ Охоты всѣхъ мѣстъ вблизи города, охотнику-одиночкѣ некуда будетъ дѣваться и волей-неволей придется поступить въ общество. Намъ могутъ возразить, что эта мѣра стѣснительная, и возраженіе будетъ справедливымъ, но и вновь вводящійся законъ также содержитъ мѣры стѣснительныя, репрессивныя, но противъ этого не возражаютъ... Въ каждомъ обществѣ несомнѣнно будетъ *большинство* мѣстныхъ охотниковъ, а взгляды большинства во всѣ времена и у всѣхъ народовъ уважались, слѣдуетъ уважить ихъ и тутъ...

Нежеланіе вступить въ общество подъ тѣмъ предлогомъ, что общество охоты плохо ведетъ свое дѣло и несогласно во взглядахъ съ охотникомъ, не желающимъ вступить въ него, вполне неосновательно, такъ какъ въ каждомъ обществѣ, каковъ-бы ни былъ общій составъ его, всегда найдутся дѣльные охотники, съ честью могущіе служить общественнымъ интересамъ, и сколько замѣчалось,—не отсутствіе такихъ лицъ портило дѣло, а сомнѣніе и самонадѣянность: „какое мнѣ дѣло до общества, я имѣю такія-то и такія то охотничьи достоинства, охочусь чуть-ли не съ пеленокъ, знаю все, нечему мнѣ учиться и не зачѣмъ идти въ какое-то тамъ общество,“ словомъ, говоря проще, забьетъ себя человѣкъ въ голову, „что ему чертъ не брать,“ что онъ „знаетъ все и видитъ все“ и сторонится отъ дѣла, въ которомъ и онъ *самъ былъ-бы полезнымъ*, дѣлясь своими свѣдѣніями, если онъ ихъ *дѣйствительно* имѣетъ, да и *ему-бы дѣло это было не безъ пользы*; энциклопедистовъ у насъ нѣтъ, какъ нѣтъ охотниковъ, которые знали-бы *всѣ* охоты, быть можетъ нашлось-бы что-либо такое, чему можно было-бы и поучиться.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы утверждаемъ, что открытіе охотничьихъ обществъ и аренда угодій сослужать добрую службу русскому охотничьему дѣлу, давъ возможность создать свои порядки и правила, *внѣ зависимости отъ времени изданія новыхъ охотничьихъ законовъ*, которыхъ можетъ быть мы и дождемся, но тогда, когда глухарь, тетеревъ, рябчикъ, куропатка и вообще *наша дичь* исчезнетъ безъ слѣда.

Писалась эта замѣтка не въ тѣхъ видахъ, чтобы оповѣстить охотничьему міру что-либо новое и приписать себѣ честь открытія Америки, а для того, чтобы не бездѣйствовать въ ожиданіи законовъ и самимъ направить наши силы на помощь погибающему дѣлу.

Ю. М. Смѣльницкій.